

## ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Иванов

**“ДУШЕПОЛЕЗНАЯ ИСТОРИЯ”  
О РАСКАЯВШЕМСЯ РАЗБОЙНИКЕ  
(ВНГ, 1450 м)**

В Синодальной греческой рукописи ГИМа № 296 (Владимир 483), созданной в XVI в., содержится весьма обширная антология “душеполезных историй” (л. 367–394). Под номером 10 в этой антологии фигурирует рассказ, поименованный в указателе Ф. Алькэна *Bibliotheca Hagiographica Graeca* “*De latrone converso*” (№ 1450 м)<sup>1</sup>. В центре повествования – знаменитая константинопольская больница Самсона, однако характерно, что ни сам святой Самсон, покровитель этой больницы, ни даже кто бы то ни было из духовных лиц не фигурирует в рассказе. Можно заметить также, что финал новеллы находится в резком противоречии с ее основным смыслом: мораль основной части в том, что даже самый страшный преступник может спастись, если покается хоть перед смертью – писателю же, составившему послесловие, такой “экстремизм” не очень нравится. Он предпочитает более традиционные пути спасения души. Действие отнесено к концу VI в., быть может, рассказ сложился в Константинополе в первые десятилетия VII в., когда в моде были повести о нетрадиционной святости, а культ императора Маврикия всячески пропагандировался Ираклием.

История эта была известна Анастасию Синаиту, автору проповеди на Шестой псалом (СРГ, 7751)<sup>2</sup>. Известны два варианта данной проповеди, близкие друг другу, но все же достаточно различающиеся, чтобы их невозможно было считать рукописными. Обе проповеди опубликованы в 89-м томе Миневой *Patrologia Graeca*. “Душеполезная история” из московской рукописи № 296 весьма близка к первому из опубликованных у Миня вариантов. К сожалению, издатель XIX в. не сообщил, по какой именно рукописи публикуется текст, ограничившись замечанием, что издает его “*ex Regio codice*”<sup>3</sup>.

Поскольку широко известно, что под именем Анастасия Синаита скрывается несколько авторов, писавших в разное время, от VII до IX в.<sup>4</sup>, нельзя с уверенностью говорить, когда именно наша история была записана в своей нынешней форме. В принципе, стилистика повествования напоминает Павла Монемвасийского и авторов его круга<sup>5</sup>, да и встречающиеся в рассказе мотивы взвешивания грехов на весах и записывания их бесами на специальных хартиях похожи на агиографические тек-

<sup>1</sup> Согласно Алькэну, эта же история содержится в рукописях *Cod. Vatic. 1510*, написанной в 1431 г., и с несколько иным окончанием в *Cod. Hieros. Sab. 223*, XIV в.

<sup>2</sup> В “Пандектах” Никона Черногорца (мы судим лишь по славянскому переводу в издании Почаевской лавры 1795 г.: Слово 52, л. 428–429), где приводится наша “душеполезная история”, ее авторство также приписывается Анастасию Синаиту.

<sup>3</sup> *Anastasioi Sinaitae Homilia dicta in Sextum Psalmum* // PG. 89. Col. 1078.

<sup>4</sup> См.: *Εγκυκλοπαίδεικό προσωπογραφικό λεξικό Βυζαντινής ιστορίας και πολιτισμοῦ* / Εκδ. Α.Γ.Κ. Σαββίδης. Τ.Β'. Αθήναι, 1997. Σ. 150–151 и литература.

<sup>5</sup> *Wortley J. Les récits édifiants de Paul évêque de Monembasie, et d'autres auteurs.* P., 1987. P. 18–25.

сты средневизантийского периода. Но можно ли на таких косвенных основаниях строить датировку – сказать трудно.

Новелла о разбойнике была популярна в переводной славянской письменности. Она фигурирует уже в древнейшем Прологе № 1329 Софийского собрания (XII–XIII вв.) под 17 октября, л. 205–206. Ниже эта любопытная новелла публикуется по московской рукописи, с вариантами по изданию Миня (М). Орфография нормализована, оговариваются лишь отдельные отклонения от нормы.

(fol. 388v)

Ἐπὶ Μαυρικίου τοῦ\* βασιλέως ἐγένετό τις ἀρχιληστής ἐπι\*\* τὰ μέρη τῆς Θράκης. ὦμος καὶ ἀπάνθρωπος καὶ τοιοῦτος ἦν ὡς καὶ τὰς ὁδοὺς ἐκείνας ἀβάτους πεποίηκε\*\*\*. τοῦτον χειρώσασθαι (fol. 389) πολλῶν στρατιωτῶν καὶ στρατηγῶν\*\*\*\* πάσῃ μηχανῇ ἐπιχειρήσαντων, καὶ μὴ δυνήθεντων, ἀκούσας τοίνυν\*\*\*\*\* ὁ θεϊότατος βασιλεὺς Μαυρίκιος διὰ τινος νεανίσκου παιδὸς τὰ ἴδια φυλακτὰ ἀπέστειλε καὶ ἐγκόλπια<sup>1\*</sup> τῷ ἀρχιληστῇ λόγον καὶ ὄρκον αὐτῷ διδοῦς<sup>1\*\*</sup>. ὁ δὲ ἀρχιληστής κατ' ἐνεργεῖαν<sup>1\*\*\*</sup> Θεοῦ αἰδεσθεὶς τὸν λόγον τοῦ βασιλέως καὶ<sup>1\*\*\*\*</sup> ἀποβαλὼν τὸ ἔθος τὸ ληστρικόν, ἐν πραύτητι προβάτου δίκην<sup>1\*\*\*\*\*</sup> κατελθὼν τοῖς<sup>2\*</sup> ποσὶ τοῦ βασιλέως μετ' ἐξομολογήσεως προσέπεσεν. εἶτα μικρῶν ἡμερῶν τινω<sup>2\*\*</sup> διελθουσῶν καὶ<sup>2\*\*\*</sup> εἰς ἀσθένειαν ὁ ληστής πυρεκτικὴν περιπεσὼν ἔκειτο ἐν τῷ νοσοκομείῳ τῷ λεγομένῳ τοῦ Σαμφῶ<sup>2\*\*\*\*</sup> καὶ χρησάμενος οἰνοποσίῳ<sup>2\*\*\*\*\*</sup> εἰς φρενητικὴν ἔκστασιν περιέπεσει<sup>3\*</sup>, εἶτα ἀνανήψας καὶ εἰς ἑαυτὸν ἐλθὼν καὶ<sup>3\*\*</sup> καταλαβούσης λοιπὸν τῆς νυκτός, ὡς<sup>3\*\*\*</sup> εἶδεν ἑαυτὸν βαρούμενον καὶ τοῦ βίου πάντως ἐξερχόμενον<sup>3\*\*\*\*</sup> εἰς οἰκεσίαν τοῦ πανοικτίρμονος Θεοῦ ἐτρέπετο σὺν δάκρυσιν ἐξομολογούμενος καὶ συγχώρησιν (389 v) τῶν αὐτοῦ ἁμαρτιῶν<sup>5\*\*\*\*\*</sup> αἰτούμενος καὶ λέγων "Ὁὐ ζητῶ τι ξένον παρὰ σοῦ, φιλάνθρωπε<sup>6\*</sup>, ὅσα γὰρ σοι δι' ἐξομολογήσεως ὁ ληστής ὁ πρὸ ἐμοῦ<sup>6\*\*</sup>, οὕτως καὶ εἰς ἐμέ<sup>6\*\*\*</sup> θαυμάστωσον τὰ ἐλέη σου τῇ σῇ εὐσπλαγχνίᾳ<sup>6\*\*\*\*</sup>, καὶ δέξαι μου τοῦτον τὸν ἐπὶ θάνατον<sup>6\*\*\*\*\*</sup> κλαυθμὸν ἐν τῇ κλίνῃ<sup>7\*</sup> καὶ ὡς ἐκείνους τοὺς περὶ<sup>7\*\*</sup> τὴν ἐνδεκάτην ὥραν μηδὲν ἀξιον ἐργασάμενους, οὕτως κάμοῦ τὰ πικρὰ ταῦτα καὶ<sup>7\*\*\*</sup> μικρὰ

\* τοῦ τῶν Χριστιανῶν

\*\* περὶ

\*\*\* ἐποίησε

\*\*\*\* ληστοδικῶν

\*\*\*\*\* om. M

<sup>1\*</sup> ἐγκόλπια cod.; om. M

<sup>1\*\*</sup> λόγον – διδοῦς om. M

<sup>1\*\*\*</sup> ἀπέστειλε τῷ ἀρχιληστῇ καὶ ὡς περ ἐξ ἐνεργείας

<sup>1\*\*\*\*</sup> om. M

<sup>1\*\*\*\*\*</sup> δίκην προβάτου

<sup>2\*</sup> ἐν τοῖς

<sup>2\*\*</sup> τινω ἡμερῶν

<sup>2\*\*\*</sup> om. M

<sup>2\*\*\*\*</sup> τῶν Σαμφῶν cod.

<sup>2\*\*\*\*\*</sup> οἰνοποσίῳ cod.

<sup>3\*</sup> μετέπεσεν

<sup>3\*\*</sup> om. M

<sup>3\*\*\*</sup> ἦδη ὡς

<sup>3\*\*\*\*</sup> καὶ – ἐξερχόμενον om. M

<sup>5\*\*\*\*\*</sup> ἁμαρτημάτων

<sup>6\*</sup> Δέσποτα φιλάνθρωπε

<sup>6\*\*</sup> ὅσα – ἐμοῦ cod. ὡς γὰρ εἰς ἕνα τῶν πρὸ ἐμοῦ ληστῶν M

<sup>6\*\*\*</sup> ἐμέ τὸν ληστῆν

<sup>6\*\*\*\*</sup> τῇ σῇ εὐσπλαγχνίᾳ om. M

<sup>6\*\*\*\*\*</sup> ἐπιθανάτιον

<sup>7\*</sup> κλαυθμὸν ὃν ἐν τῇ κλίνῃ κατακείμενος ποιοῦμαι

<sup>7\*\*</sup> μετὰ

<sup>7\*\*\*</sup> πικρὰ ταῦτα καὶ om. M

δάκρυα καθαίρων με καὶ βαπτίζων ἐν αὐτοῖς<sup>7\*\*\*\*</sup> ἐνθανάτιον τὴν<sup>7\*\*\*\*\*</sup> συγχώρησιν ὡς βάπτισμα παράσχου<sup>8\*</sup> μὴ ἀπαιτῶν τι<sup>8\*\*</sup> πλέον, οὐ γὰρ παρέχει<sup>8\*\*\*</sup> ἡ ὥρα, τῶν ἐκσπιλευτῶν μου ἐγγισάντων, ἀλλὰ μὴ ἀντιτείνης ἡ<sup>8\*\*\*\*</sup> στιβαρήσης οὐ γὰρ εὐρήσης<sup>8\*\*\*\*\*</sup> ἐν ἐμοί τι<sup>9\*</sup> ἀγαθόν. προκατέλαβόν με γὰρ αἱ ἀνομίαι μου καὶ<sup>9\*\*</sup> πρὸς ἐσπέραν ἐφθάσθην κακῶς<sup>9\*\*\*</sup> ὅτι ἀμύθητά μου τὰ χρέη. ἀλλ' ὡς ἐδέξου Πέτρου τοῦ ἀποστόλου<sup>9\*\*\*\*</sup> τὸν πικρὸν<sup>9\*\*\*\*\*</sup> κλαυθμὸν, οὕτως πρόσδεξαι<sup>10\*</sup> καὶ τὸν ἐμὸν, φιλάνθρωπε, ἐπιχέων<sup>10\*\*</sup> ταῦτα τὰ δάκρυα ἐπὶ τὸ τῶν ἀνομιῶν<sup>10\*\*\*</sup> μου χειρόγραφον καὶ τῷ σπόγγῳ τῆς εὐσπλαγχνίας σου ἐξαλείφων τὰ ἀνήκεστα<sup>10\*\*\*\*</sup> μου πλημμελήματα".

ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα ἐπὶ πλείστας ὥρας ὁ ληστής ἐξομολογούμενος καὶ τῷ ἰδίῳ φακιολίῳ τὰ δάκρυα ἐκμάσσωσιν παρέδωκε τὸ πνεῦμα, καθὼς οἱ πλησίον αὐτοῦ κοιμώμενοι διηγήσαντο. ἀρχίατρος δέ τις εὐλαβῆς ὁ<sup>10\*\*\*\*\*</sup> ἐκείνων τὸν ξενῶνα<sup>11\*</sup> ἐπισκεπτόμενος ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ καθεύδων δίκαιος καὶ φοβούμενος τὸν Θεὸν<sup>11\*\*</sup> ὄρα<sup>11\*\*\*</sup> κατ' ὄναρ κατ' αὐτὴν τὴν ὥραν ἐν ἣ ὁ ληστής ἐτελεύτησε, τινὰς λιθίοπας πολλοὺς ἐλθόντας πρὸς τὴν κλινὴν τοῦ ληστοῦ μετὰ πλείστων χάρτων περιεχόντων τὰ ἁμαρτήματα τοῦ ληστοῦ, εἶτα καὶ δύο τινὰς φωτεινοὺς ἀνδρας. ἤνεγκαν οὖν ζυγὸν καὶ<sup>11\*\*\*\*</sup> βαλόντων τῶν λιθιόπων ἅπαντα<sup>11\*\*\*\*\*</sup> τὰ χειρόγραφα τοῦ ληστοῦ, κατεβάρησεν<sup>12\*</sup> ἡ μία πλάστιγξ, ἡ δὲ ἕτερα ἐφ' ἰψηλοῦ<sup>12\*\*</sup> ἦν ἀνακεκουφισμένη. λέγουσι οὖν οἱ δύο τοῦ φωτὸς ἄγγελοι "εἶτα ἡμεῖς οὐδὲν ἔχομεν ὧδε". λέγει ὁ ἕτερος<sup>12\*\*\*</sup> πρὸς τὸν ἄλλον "τί ἔχομεν ἔχειν; οὐπω δεκάτην ἡμέραν ἔχει ἐλθὼν ἐκ τοῦ ληστηρίου (fol. 390 v.) καὶ τῶν φόνων αὐτοῦ καὶ τὴν ἀγαθὸν ζητοῦμεν ἐκ τούτου"; καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγον προσεποιήσαντο<sup>12\*\*\*\*</sup> τὸ ψηλαφᾶν ἐν τῇ κλινῇ αὐτοῦ ὅπως<sup>12\*\*\*\*\*</sup> εὕρωσι καὶ αὐτοὶ τι ἀγαθόν. καὶ εὕρων ὁ εἷς τὸ φακιόλιον αὐτοῦ<sup>13\*</sup> ἔβη τὸν κλαυθμὸν ἐξήμεσε<sup>13\*\*</sup>, λέγει πρὸς τὸν ἑταῖρον<sup>13\*\*\*</sup> αὐτοῦ "οὕτως οὐδὲν ἕτερον ἔχωμεν ὧδε, εἰ μὴ<sup>13\*\*\*\*</sup> τὸ φακιόλιον τῶν δακρύων αὐ-

- 7\*\*\*\* om. M  
7\*\*\*\*\* ἑαυτοῖς cod.  
8\* om. M  
8\*\* μέ τι  
8\*\*\* ἔχει  
8\*\*\*\* μὴ  
8\*\*\*\*\* οὐ γὰρ εὐρήσης om. M  
9\* τό  
9\*\* om. M  
9\*\*\* φθάσαντα καλῶς  
9\*\*\*\* ἀποστόλου σου  
9\*\*\*\*\* πικρότατον  
10\* πρόσδεξαι cod.  
10\*\* ἐπιχέον μου cod.  
10\*\*\* ἁμαρτιῶν  
10\*\*\*\* ἀνείκαστα  
10\*\*\*\*\* εὐλαβῆς ὁ om. M  
11\* ξενῶνα cod.  
11\*\* δίκαιον - Θεόν om. M  
11\*\*\* ὄρα  
11\*\*\*\* om. M  
11\*\*\*\*\* πάντα  
12\* ἑκατεβάρησεν cod.  
12\*\* ἰψους  
12\*\*\* εἷς  
12\*\*\*\* προσεποίησαν cod.  
12\*\*\*\*\* εἶ πως  
13\* om. M  
13\*\* ἐξέμασσεν ὁ ληστής  
13\*\*\* ἕτερον cod.  
13\*\*\*\* οὐδὲν - μὴ om. M

του<sup>13\*\*\*\*</sup>. ἀλλὰ βάλωμεν αὐτὸ<sup>14\*</sup> εἰς τὴν ἑτέραν πλάστιγγα καὶ τὴν φιλανθρωπῖαν τοῦ Θεοῦ σὺν αὐτῷ, καὶ<sup>14\*\*</sup> πάντως γένηται αὐτῷ<sup>14\*\*\*\*</sup> τί ποτε". καὶ ὡς μόνον ἔβαλον αὐτὸ<sup>14\*\*\*\*</sup> εἰς τὴν πλάστιγγα τὴν ἀνακεκουφισμένην κατεβάρησεν ἐξαίφνης<sup>14\*\*\*\*</sup> καὶ ἐσκορπίσθησαν ὅλα τὰ χειρόγραφα τὰ ὄντα εἰς τὴν ἄλλην πλάστιγγα καὶ ἐβόησαν μιᾷ φωνῇ οἱ ἄγγελοι λέγοντες "ἐνίκησεν ἡ φιλανθρωπία τοῦ Θεοῦ<sup>15\*\*</sup>". καὶ λαβόντες τὴν ψυχὴν τοῦ ληστοῦ ἀπήγαγον αὐτὴν μεθ' ἑαυτῶν, οἱ δὲ Αἰθίοπες ὀλολύξαντες<sup>15\*\*</sup> ἔφυγον κατησχυμένοι<sup>15\*\*\*\*</sup>.

καὶ ταῦτα ἰδὼν ὁ ἰατρὸς ἐκεῖνος ὁ ἐνάρετος<sup>15\*\*\*\*</sup> ἔξυπιος γενόμενος εὐθὺς ἐνεδύσατο τὰ ἰ(fol. 391)μάτια αὐτοῦ καὶ δρομαῖος εἰσῆλθεν<sup>15\*\*\*\*</sup> εἰς τὸν ξενώνα καὶ ἔλθων εἰς τὴν κλίνην τοῦ ληστοῦ εὔρε τὸ μὲν<sup>16\*</sup> σῶμα αὐτοῦ σχεδὸν ζέον<sup>16\*\*</sup>, τὴν δὲ ψυχὴν αὐτοῦ ἀπελθοῦσαν πρὸς Κύριον, τὸ δὲ φακίολον αὐτοῦ<sup>16\*\*\*\*</sup> ἐπὶ τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ κείμενον γέμον<sup>16\*\*\*\*</sup> τῶν<sup>16\*\*\*\*</sup> δακρῶν. καὶ δὴ μαθὼν παρὰ τῶν πλησίον<sup>17\*</sup> κοιμωμένων<sup>17\*\*</sup> τὴν ἐξομολόγησιν ἦν ἐποίησατο ὁ ληστὴς πρὸς τὸν Θεὸν λαβὼν τὸ φακίολιον εἰσῆλθε πρὸς τὸν εὐσεβέστατον βασιλέα, δεικνὺς αὐτὸ<sup>17\*\*\*</sup> καὶ διηγούμενος ἄπερ ἐκ τῶν κοιμωμένων ἀκήκοεν καὶ ὅσα ἐν ὄνειρῳ εἶδε θαυμάσια<sup>17\*\*\*\*</sup> λέγων ὁ ἰατρὸς<sup>17\*\*\*\*</sup> τῷ βασιλεῖ οὕτως<sup>18\*</sup> "εὐχαριστοῦμεν τῷ Θεῷ εὐσεβέστατε δέσποτα ἠκούσαμεν ληστὴν σωθέντα δι' ἐξομολογήσεως ἐπὶ τοῦ σταυροῦ τοῦ οὐρανοῦ βασιλέως καὶ ἴδωμεν ληστὴν σωθέντα δι' ἐξομολογήσεως ἐπὶ τοῦ κράτους τοῦ ἐπιγείου βασιλέως<sup>18\*\*\*\*</sup>".

καὶ<sup>18\*\*\*\*</sup> πιστεύωμεν ἀληθῆ εἶναι. ὅμως καλὸν τὸ<sup>18\*\*\*\*</sup> προλαβεῖν τὴν φοβερὰν ὥραν τοῦ θανάτου (fol. 391v.) καὶ προετοιμάσαι ἑαυτοὺς διὰ μετανοίας. πόσοι γὰρ, εἰπέ μοι, ἐξαίφνης ἀρπάζονται μῆτε λαλῆσαι μῆτε δακρῶσαι<sup>18\*\*\*\*</sup> ἰσχύοντες, τίς δέ σοι<sup>19\*</sup> καὶ ὁ ἀντιφωνῶν ὅτι εὐρήσεις τοσαῦτα<sup>19\*\*</sup> δάκρυα τὴν<sup>19\*\*\*</sup> ὥραν ἐκείνην τῷ Θεῷ προσαγάγει<sup>19\*\*\*\*</sup> ὅσα ὁ ληστὴς

13\*\*\*\* αὐτοῦ ἦν

14\* αὐτῷ cod.

14\*\* εἰ cod.

14\*\*\* om. M

14\*\*\*\* αὐτῷ cod.

14\*\*\*\*\* om. M

15\* Δεσπότης

15\*\* om. M

15\*\*\* κατασχυνόμενοι

15\*\*\*\* om. M

15\*\*\*\*\* δρομαῖως ἦλθεν

16\* om. Cod.

16\*\* ζέοντα cod.

16\*\*\* om. M.

16\*\*\*\* μεστόν

16\*\*\*\*\* τά cod.

17\* πλησίον cod.

17\*\* κοιμωμένων ἐκεῖ cod.

17\*\*\* αὐτῷ

17\*\*\*\* κατ' ὄναρ ἐθεάσατο

17\*\*\*\*\* om. M

18\* om. M

18\*\* ἐπὶ - βασιλέως cod. ἐπὶ τῆς σῆς βασιλείας M

18\*\*\* καὶ ταῦτα μὲν ἀκούοντες

18\*\*\*\* τοῦ cod.

18\*\*\*\*\* δακρῶσαι μῆτε διαθήκη ποιῆσαι

19\* σε

19\*\* om. M.

19\*\*\* μετὰ τὴν

19\*\*\*\* προσαγαγεῖν

ἐκεῖνος προσήγαγεν; διὸ μηδὲ ἀναμένωμεν<sup>19\*\*\*\*\*</sup>, μηδὲ ἐκδεξώμεθα ἐν τῷ θανάτῳ τῷ Θεῷ ἑξομολογήσασθαι, ἀλλὰ μᾶλλον προφθάσωμεν τὸ πρόσωπον<sup>20\*</sup> ἐν ἑξομολογήσει. οὐ γὰρ ἵνα χανῶσω τὰς ὑμετέρας ψυχὰς ταῦτα συνέγραψα, ἀλλ'<sup>20\*\*</sup> ἵνα διεγείρω, οὐχ ἵνα ἀμελεστέρους ἀλλὰ προθυμωτέρους ποιήσω<sup>20\*\*\*</sup>.

## Перевод

Жил во времена императора Маврикия один разбойничий атаман в области Фракии. Таким он был жестоким и бесчеловечным, что из-за него тамошние дороги сделались непроезжими. Многие воины и военачальники всячески старались поймать его, но не смогли. И вот прослышал [о нем] божественный император Маврикий и через одного молодого слугу послал атаману разбойнику свои личные ручательства и нательный крест, давая [тем самым] ему свое клятвенное слово. Усовестившись по Божьей воле слову царскому, тот отбросил разбойничий нрав и, усвоив овечью кротость, пал к ногам императора с исповедью. Потом, по прошествии немногих дней, охватила разбойника лихорадка, и он лег в больницу, называемую Сампсон<sup>6</sup>. [Там] его пользовали винопитием<sup>7</sup>, он впал в иступление ума, а потом, когда уже спустилась ночь, опаматовал и пришел в себя. Видя себя в тяжелом состоянии, совершенно готовым уйти из жизни, он обратился к обиталищу всемилостивого Бога, со слезами исповедуясь и прося прощения за свои грехи. Говорил он: “Я не прошу у Тебя ничего чуждого [Тебе], Человеколюбче: ведь [я умоляю] ровно о том, что через исповедь [получил] у Тебя [евангельский] разбойник, который был до меня. Вот так же яви и мне свою удивительную жалость, по благоутробию Твоему, и прими от меня этот плач с предсмертного ложа. Ведь и те [евангельские, “работники] одиннадцатого часа” (Матфей 20, 1–13) не совершили ничего достойного – вот так же и от меня [прими] эти горькие скудные слезы и, очистив меня, окунув в них, предоставь мне предсмертное прощение, словно крещение. Не проси ничего больше, ибо нет у меня времени – охотники за моей душой<sup>8</sup> уже приближаются. Но не держи зла и не гневайся, ибо не найдешь Ты во мне ничего хорошего. Ведь “постигли меня беззакония мои” (ср. Псалмы 39,13), и плохо пришел я к закату моему, ибо несказанны долги мои. Но как принял Ты плач апостола Петра, окажи так же благосклонность и моему, Человеколюбче! Вылей эти мои слезы на

<sup>19\*\*\*\*\*</sup> μὴ ἀναμένωμεν

<sup>20\*</sup> πρόσωπον αὐτοῦ

<sup>20\*\*</sup> ἀλλὰ μᾶλλον

<sup>20\*\*\*</sup> ποιήσω post ἀμελεστέρους M ponit et addit: ὅπως ἐν τῷ σταδίῳ τῶν νηστειῶν καλῶς ἀγωνισάμενοι, στεφαιῖται γενόμενοι, τῆς ἀφέσεως τῶν ἀμαρτιῶν καὶ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν ἀξιοθῶμεν\* χάριτι καὶ φιλανθρωπίᾳ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, μεθ' οὗ τῷ Πατρὶ δόξα, ἅμα τῷ ἁγίῳ καὶ ζωοπιῶ Πνεύματι, νῦν, καὶ ἀεὶ, καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν.

<sup>6</sup> Больница Самсона была одной из старейших и самых известных в Константинополе: она существовала с IV до XIV в. В VI в. Юстиниан расширил ее и превратил в крупное специализированное медицинское учреждение, осуществлявшее как амбулаторное лечение, так и стационарирование больных, см.: Miller T.S. The Birth of the Hospital in the Byzantine Empire. Baltimor, 1985. P. 27–28, 80–81 etc.

<sup>7</sup> Винопитие считалось в византийской медицине важным лечебным средством, ср.: Pauli Aeginetae Epitome. III, 5, 1; Aetii Medici Iatricorum. VIII, 65; Alexandri Tralliani Therapeutica / Ed. T. Puschmann. Wien. 1963. Vol. II. P. 29. Можно предположить, что разбойник страдал желчекарканьем, ср.: Aetii Iatricorum. IX, 3.

<sup>8</sup> Слово Ἐκστηλευτής (в нашей рукописи – ἐκσπλευτής) – от латинского expellator – означало чиновника, занимавшегося взысканием недоимок, ср. Justiniani Novellae, 128. Ср. PG. Col. 1112, n. 28.

рукопись моих беззаконий и губкой Твоего милосердия сотри ужасные мои прегрешения!”.

Такие страстные речи возносил разбойник, исповедуясь в течение многих часов и вытирая слезы своим платком<sup>9</sup>, [а потом] испустил дух, как рассказали те, кто лежал поблизости от него. А один благочестивый врач<sup>10</sup>, надзиравший над этой больницей, почивал [тогда] в своем доме. Был он праведен и боялся Бога. В тот самый час, в который скончался разбойник, увидел этот врач во сне, как к ложу разбойника пришли какие-то многочисленные эфиопы со множеством хартий, содержащих прегрешения разбойника<sup>11</sup>, а потом – два светозарных мужа. Затем принесли весы<sup>12</sup>, и когда эфиопы положили на них все рукописи [с перечислением грехов] разбойника, одна чаша весов опустилась вниз, а вторая поднялась высоко вверх. И говорят два светлых ангела: “После этого нечего нам тут делать”. И один обратился к другому: “Что [еще] могли мы получить? Ведь не прошло и десяти дней, как он пришел из шайки и [прекратил] свои убийства – что хорошего мы ждем от него?” И с этими словами они пустились шарить в его постели, пытаясь найти хоть что-нибудь доброе. И один из них, найдя платок, которым разбойник утирал слезы, сказал товарищу: “Воистину, у нас здесь нет ничего другого, кроме платка, пропитанного его слезами. Давай положим его на вторую чашу весов, а с ним и человеколюбие Божье, и вообще – будь с ним что будет”. И лишь только возложили они его на поднявшуюся чашу весов, как вдруг она опустилась, а все те хартии, что лежали на второй чаше, расточились. И воскликнули ангелы в один голос, говоря: “Человеколюбие Божье победило!” И взяв душу разбойника, они увели ее с собой, а посрамленные эфиопы бежали с причитаниями.

Увидев все это, добродетельный врач проснулся и, надев плащ, бегом побежал в больницу<sup>13</sup>. Подойдя к постели разбойника, он нашел его тело еще теплым, а душу ушедшей к Господу. Его платок покоился на его глазах, весь пропитанный слезами. Узнав от тех, кто лежал рядом, о той исповеди, которую принес Богу разбойник, [врач] взял платок и вошел с ним к благочестивейшему императору<sup>14</sup>. Он показал его и рассказал о тех чудесах, которые услышал от больных и увидел во сне. И так сказал врач царю: “Возблагодарим Бога, о благочестивейший владыка!

<sup>9</sup> Слово φακίδιον употребленное в нашем тексте, обычно означает тюрбан. Ср.: *Sophocles S.V.* Тот же смысл безусловно подразумевается во втором, несколько отличном от нашего, изводе данной истории: там этот предмет назван κεφαλῆς περικάλυψα или κεφαλῶδεςσιον (см.: PG. Col. 1141). То есть, речь должна идти о своего рода ночном колпаке. Однако не исключено, что в нашей версии подразумевалось едва отличимое от первого слово φακίδης, обозначавшее носовой платок, от латинского *facies* – “лицо”. Ср. в словаре Суда: φακίδιον ἢ σουδάριον (Σ. 429).

<sup>10</sup> Должность ἀρχιάτρως (“главный врач”) существовала еще в античности. Юстиниан перевел таких врачей из муниципального ведомства на бюджет больниц. Главный врач подчинялся лишь директору больницы, ксенодоху, и имел в подчинении целый штат обычных врачей, служащих и медбратьев, см.: *Miller T.S. The Birth of the Hospital... P. 4, 48, 148.*

<sup>11</sup> Мотив посмертного суда как бюрократического прения, в котором участвуют ангелы и бесы со списками всех прижизненных грехов человека, получил развитие в житиях Василия Нового и Андрея Юродивого, а также в Видении Анастасии. Можно предположить, что наша “душеполезная история” является самым ранним образчиком этой загроможденной бюрократии.

<sup>12</sup> Образ весов, на которых взвешивают грехи умершего, появляется еще у Василия Великого (*Oxford Dictionary of Byzantium. P. 1755–1756*), однако графическое воплощение этот мотив получает гораздо позднее – в сценах “Страшного Суда” в росписях св. Стефана в Кастории (X в.) и Торчелло (XI–XII вв.).

<sup>13</sup> По всей видимости, дом главврача мыслится как расположенный поблизости от больницы. О бытовой стороне жизни главврача больницы Самсона не сохранилось никаких данных, но про больницы Христордота и Пантократора нам известно, что там главных врачей было по два и они работали посменно, через месяц, ср.: *Miller T.S. The Birth of the Hospital... P. 153.*

<sup>14</sup> Должность главного врача не считалась слишком высокой, и, согласно церемониальной книге Филофея, таковые встречались с императором всего раз в году (*Oikonomides N. Les listes de préséance byzantines des IX et X siècles. P., 1972. P. 183.13*).

[Раньше] мы слышали о разбойнике, спасшемся через исповедь у креста Царя небесного – а [теперь] видим разбойника, спасшегося через исповедь перед властью царя земного<sup>15</sup>”.

Веруем мы, что все это истинно. И все же, лучше заранее ждать страшного мига смерти и готовить себя путем покаяния. Ведь сколько людей, скажи мне, были похищены [смертью] внезапно, не успев ни слова молвить, ни заплакать. И кто тебе удостоверит, что в этот час у тебя найдется столько слез, чтобы принести их Богу, сколько принес тот разбойник? Поэтому давайте не будем ни медлить, ни ждать, чтобы исповедаться Богу в момент смерти, но скорее явемся к исповеди с упреждением. Я написал это не для того, чтобы ослабить ваши души, но чтобы пробудить, не для того, чтобы сделать вас более легкомысленными, но – более бодрыми<sup>16</sup>.

---

<sup>15</sup> Любопытно, что все герои рассказа являются светскими лицами. Возникшие в X в. Чудеса св. Сампсона, описывающие будни этой же больницы, также не упоминают ни о каких монахах, см.: *Miller T.S. The Birth of the Hospital...* P. 127.

<sup>16</sup> Вариант окончания, опубликованный Минем, содержит смысловую привязку к посту по случаю коего была произнесена та проповедь, в которую вставлена наш “душеполезная история”, см.: PG. Col. 1115.